

Рогачевская Марина Станиславовна
профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры
зарубежной литературы
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Marina Ragachewskaya
Habilitation Doctor of Philology, Professor,
Professor at the Department
of World Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
marinaragachewskaya@gmail.com

«НЕУДОБНОЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ,
ИЛИ УРОВНИ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ,
АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

“THE EMBARRASSING” IN FICTION TRANSLATION,
OR THE LEVELS OF SUBSTANDARD VOCABULARY IN RUSSIAN,
ENGLISH AND BELARUSIAN

Статья посвящена осмыслению уровней сниженной лексики в английском, русском и белорусском языках. Отмечается ее особый статус в художественном тексте как части аутентичного образа персонажа, как «слепок» жизни. В статье рассмотрены четыре уровня сниженности, при этом на конкретных примерах перевода художественных текстов доказано неравномерное восприятие грубой, obscene и жаргонно-сленговой лексики в разных языках. На основе изучения опыта перевода сниженной лексики рассмотрены варианты адекватности при передаче данного контента с английского на русский язык. Отмечается отсутствие табуированно-obscene лексики в английском и белорусском художественных текстах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: художественный перевод; сниженная лексика; obscene лексика; художественный текст; эвфемистический перевод; дисфемистический перевод; мат.

The article is devoted to identifying the levels of substandard vocabulary in the English, Russian and Belarusian languages. A special status of such vocabulary in the literary texts is noted as part of the characters' authentic images or as a “cast” of life. The article examines four levels of substandard vocabulary; at that, specific examples of translated fictional texts prove the uneven perception of rude, obscene and jargon-slang vocabulary in different languages. Based on the study of experience in translating substandard words and phrases, the article considers options of adequate rendering of this type of content from English into Russian. The author also notes the absence of obscene tabooed vocabulary in the English and Belarusian fictional texts.

Key words: fiction translation; substandard vocabulary; obscene words; fictional text; euphemistic translation; dysphemistic translation; vile (filthy) language.

Особенностью художественного текста является его разновекторность, «вместимость», приемлемость использования различных регистров и лексических уровней. Необходимо отчетливо осознавать различие между

понятиями *литературный язык* и *язык художественной литературы*. Так, литературный язык – «стандартная полифункциональная форма существования национального языка, обслуживающая, в первую очередь, область официального быта: государство и общество, прессу, школу (иными словами, это язык общенормативных грамматик и словарей)» [1, с. 471]. Данный язык характеризуется такими чертами, как полифункциональность, стилистическая дифференцированность, высокий социальный престиж.

Язык художественной литературы – это художественная речь, вторичная знаковая система, которая функционирует, так или иначе преодолевая, деформируя первичную систему знаков естественного языка; и кроме непосредственно литературного языка, художественная речь использует все возможности языка национального: просторечия и жаргоны, диалектизмы и варваризмы, устаревшую лексику и профессионализмы, но использует их в эстетических целях. Ведь художественный текст не призван выхолостить дискурс или превратить его в некое изящное искусство выражения высокоутонченной мысли. Писатель преследует иные цели, среди которых, в том числе, зарегистрировать и сохранить отпечаток самой жизни во всем ее богатстве и разнообразии. Вспомним хотя бы примеры «погружения» писателя в самую клоаку существования низов – притоны, трущобы, грязные криминальные кварталы и маргинальные сообщества, куда отправлялись Л. Толстой, Ч. Диккенс, О. Уайльд, Э. Золя и многие другие писатели в поисках правды жизни. Обработка же такого жизненного материала «из низин» происходит всегда по-разному, в соответствии с творческой целью автора, его художественной манерой, а также в русле времени и культуры, восприятия низменного и безобразного в той или иной среде.

Низкое и высокое являются неотъемлемыми частями художественной литературы. Какую сторону жизни изображать – этот спор соотносится с веяниями конкретного времени, с художественным методом и творческой индивидуальностью автора. В истории литературы имели место и эстетизация безобразного (В. Гюго), и откровенная скабрёзность (Аристофан, Дж. Боккаччо, Дж. Чосер, Маркиз де Сад), и протест против цензуры и пуританства (Д. Г. Лоуренс, Дж. Джойс), и откровенный вульгаризм, порнографизм и озлобленный дискурс писателя, противостоящего всему и вся (Г. Миллер), и ставший нормой эротизм (Дж. Фаулз), и obscenity постмодернистского текста (В. Сорокин, В. Ерофеев).

Начнем с того, что терминологическая путаница до сих пор присутствует в отношении категорий сниженной лексики. Словарь лингвистических терминов предлагает следующее определение: «Сниженная лексика делится на два разряда: 1) разговорную лексику и 2) просторечную. ...

Разговорная лексика употребляется в непринужденной речи, в неофициальной обстановке. ... Просторечная лексика экспрессивна, употребительна в эмоциональных речевых ситуациях, при дружеских и фамильярных отношениях. Считают, что разговорная и просторечная лексика находятся в пределах литературного словаря, их употребление регулируется нормой литературного языка. К ненормативной лексике относится обценная лексика» [2]. Далее в этом контексте возникают арго, жаргон, сленг, сниженная разговорная лексика, экспрессивная лексика ненормативного употребления – термины, которые появляются в едином семантическом ряду и указывают на то, что сниженная лексика может выделяться в отдельную группу.

В контексте исследуемой проблемы – перевода любого вида «сниженности», предлагается рассматривать сниженную лексику (от слов-диалектизмов до обценной, табуированной) на нескольких уровнях (будет показано ниже в таблице). Слова или словосочетания категории сниженной лексики употребляются авторами в стилистических целях, для придания языку литературного произведения особой эмоционально-экспрессивной окраски, эффекта необычности, живости, ироничности, для создания национально-языкового колорита и образной характеристики персонажа. Серьезная переводческая проблема – это слой табуированной, обценной лексики, выходящей за рамки этически приемлемой, то, что закрывают в звучащем тексте характерным писком, а в печатном – звездочками. Зачастую в социокультурных системах и во времена пониженной толерантности функции таких «санитаров текста» выполняют цензоры. В ряде источников выражено мнение, что «устойчивость сниженной лексики строится на нормативном контрасте и отрицании языковой нормы. Однако сила нормативного отрицания в отдельных пластах сниженной лексики может отличаться от языка к языку» [3, с. 117]. Приводя мнение Ю. К. Волошина о сленге, то же самое можно утверждать и в отношении сниженной лексики в целом: это «наиболее динамичный пласт лексико-семантической системы языка» [4, л. 10], который подвержен постоянному обновлению и служит своеобразным лингвистическим полигоном, «на котором проверяются многие новые элементы языка и затем частично усваиваются стандартным, литературным языком» [Там же].

Выбор переводчика в таких случаях незавидный: быть или не быть передатчиком неудобного контента, переводить или опустить, намекнуть или умолчать? То, что недопустимо в одном языке, оказывается приемле-

мым в другом, и наоборот. Одной из причин, вызывающих трудности при переводе сниженной лексики, как раз и являются частые изменения: сниженная лексика пополняется новыми понятиями и значениями и даже изменяет степень экспрессивности. Поэтому переводчику необходимо учитывать временной фактор, чтобы неудачно выбранные слова не обернулись анахронизмом.

Основная трудность перевода сниженной лексики – не только уяснить значение такого слова, найти подходящие экспрессивные и образные выражения в языке перевода, но и, на наш взгляд, ответить на вопрос: зачем подобная лексика понадобилась писателю? Нельзя исключать мотивы эпатажа и шокирования, однако основной причиной использования сниженной лексики является создание образа персонажа и его среды, определенного «среза жизни», который оставляет слепок эпохи в словесном искусстве.

Способы перевода сниженной лексики разработаны довольно подробно. Так, например, интересным представляется разграничение эвфемистического и дисфемистического переводов. «Эвфемистический перевод заключается в замене слов оригинала, несущих сильную или грубую экспрессию на слова с менее сильной экспрессией в переводе ... . Дисфемистический перевод, являющийся противоположностью эвфемистическому, представляет собой замену слова из оригинального текста с менее яркой экспрессией при переводе на более грубое» [3, с. 118]. Но в целом, для перевода сниженной лексики переводчик использует те же способы и методы перевода, что и для других художественных средств.

Анализ существующих переводных версий произведений англоязычной литературы, опыт преподавания художественного перевода, а также стажировки и научные конференции по этой теме привели к определенному видению существующих уровней сниженной лексики (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Уровни сниженной лексики

Регистр	Английский	Русский	Белорусский
*	Разговорные фразы и выражения, диалектизмы	Разговорные фразы и выражения, диалектизмы	Разговорные фразы и выражения, диалектизмы
**	Просторечия, жаргон, арг	Просторечия, жаргон, арг	Просторечия, жаргон, арг

***	Вульгаризмы, оскорбительные ругательства – «four-letter words» (<i>fuck</i>), obscene, но не табуированная лексика	Вульгаризмы, оскорбительные ругательства	Вульгаризмы, оскорбительные ругательства (лаянка)
****	отсутствует	Мат (obscene лексика)	Мацюкі, але гэта цалкам запазычана з рускай мовы і ўтрымліваецца ў беларускай у значна меншай ступені

В примере ниже иллюстрируется перевод второго слоя сниженной лексики (см. табл. 1). Здесь очевидны трудности в подборе уничижительных или оскорбительных наименований (табл. 2).

Таблица 2

Пример из художественной литературы А

<i>Black Swan Green</i> by D. Mitchell	«Лужок Черного Лебедя» (Д. Митчелл) в переводе Т. Боровиковой
<p>“Writing poetry’s” – I looked around the solarium, but Madame Crommelynck’s got a tractor beam – “sort of ... gay.</p> <p>“ ‘Gay’? A merry activity?”</p> <p>This was hopeless. “Writing poems is ... what creeps and poofers do.”</p> <p>“So you are one of these ‘creeps?’”</p> <p>“No.”</p> <p>“Then you are a ‘poof-ter’, whatever one is?”</p> <p>“No!”</p> <p>“Then your logic is eluding me.”</p> <p>“If you’re dad’s a famous composer and your mum’s an aristocrat, you can do things that you can’t do if</p>	<p>– Писать стихи – это... – я шарил глазами по солярию, но у мадам Кроммелинк взгляд как захватный луч, – это... вроде как... для голубых.</p> <p>– Для голубых? Голубое небо?</p> <p>Безнадежно.</p> <p>– Стихи пишут... только ботаны и лохи.</p> <p>– Так вы один из этих... ботанов?</p> <p>– Нет.</p> <p>– Значит, вы один из лохов, хоть я и не знаю, кто они такие?</p> <p>– Нет!</p> <p>– Тогда ваша логика мне совершенно непонятна.</p> <p>– Если у человека отец – знаменитый композитор, а мать – аристократка, ему</p>

your dad works at Greenland Supermarkets and if you go to a comprehensive school. Poetry's one of those things." [5, с. 194].	позволено гораздо больше, чем тому, кто учится в государственной школе и у кого папа работает в компании розничной торговли. В частности, писать стихи. [6].
---	--

Как видно из переводческих находок, в русскоязычном варианте использованы современные и общеупотребительные просторечные лексемы, которые также соотносимы со вторым уровнем сниженности.

Однако, например, при переводе фраз с грубыми словами типа *shit*, употребление которых является почти нормой в английском языке, очень сложно найти русский эквивалент, ибо он будет гораздо грубее. Здесь переводчик сталкивается с различиями коммуникативных норм двух языков. Поэтому лучшим выходом в этой ситуации будет прибегнуть к лексике более высокого регистра, иными словами – к эвфемизации.

В качестве одного из самых проблемных переводов XX в. можно привести попытки справиться с романом «Любовник леди Чаттерли» (*Lady Chatterley's Lover*, 1928) Д. Г. Лоуренса. По нашим сведениям, насчитывается четыре варианта перевода произведения на русский язык: в 1932 г. в переводе Т. Лещенко, в 1989 г. – И. Багрова и М. Литвиновой, в 1991 г. – И. Гуль, в 2000 г. – В. Чухно. Однако перевод, выполненный И. Багровым и М. Литвиновой, совпал с духом времени, которое ориентировало личность на раскрепощение, свободу мысли и чувства и новое осознание своего тела. «Есть у такого рода произведений примечательное свойство: волею судеб – иначе не назовешь – они приходят к нам именно тогда, когда мы особенно в них нуждаемся» [7, с. 240], – писал о романе и его переводе Н. Пальцев в 1991 году. Коллектив авторов статьи «Эвфемизмы сферы сексуального в художественной литературе: переводческий аспект» отметили, что переводчики романа И. Багров и М. Литвинова «применили большое количество трансформаций, а также компенсировали все табуированные лексические единицы. В данном переводе отсутствует буквализм, так как переводчики стремятся передать атмосферу и раскрепощающий смысл произведения, воссоздавая его на русском языке и, таким образом, придерживаясь правил русского языка. Однако, придерживаясь определённого настроения и динамики, переводчики опускают некоторые фрагменты интимных отношений главных героев» [8, с. 197]. Данную оценку стоит поддержать, отметив также, что ни один из имеющихся вариантов перевода нельзя считать абсолютно адекватным. На белорусский язык роман пока не переведен.

В категорию «неудобного» в этом романе попадает не только непосредственно сниженная лексика (обсценная, диалектизмы и сленг), но и эпизоды интимной близости, содержащие лексику нейтральную. Как пишет Т. В. Холстинина, «довольно часто правомерно говорить и о целых “запретных ситуациях”, в контексте которых определённые, вполне обычные слова начинают выступать в новом, “запретном”, значении. Более того, со временем эти значения могут смещаться с периферии в область основного смысла, и тогда слова переходят в разряд собственно запретной лексики (в качестве примера можно привести слова “кончать”, “стоять”, “член”, “иметь”, которые сейчас часто вызывают неадекватную реакцию даже в нейтральном контексте)» [9, л. 63].

В приведенном ниже примере представлены переводческие решения в передаче на русский язык одной из таких сцен в романе Д. Г. Лоуренса (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Пример из художественной литературы Б

<p><i>Lady Chatterley's Lover</i> by D. H. Lawrence</p>	<p>«Любовник леди Чаттерли» (Д. Г. Лоуренс) в переводе И. Багрова и М. Литвиновой</p>
<p>The man looked down in silence at the tense phallos, that did not change. – ‘Ay!’ he said at last, in a little voice. ‘Ay ma lad! tha’re theer right enough. Yi, tha mun rear thy head! Theer on thy own, eh? An’ ta’es no count O’ nob’dy! Tha ma’es nowt O’ me, John Thomas. Art boss? of me? Eh well, tha’re more cocky than me, an’ tha says less. John Thomas! Dost want her? Dost want my lady Jane? Tha’s dipped me in again, tha hast. Ay, an’ tha comes up smilin’. – Ax ‘er then! Ax lady Jane! Say: Lift up your heads, O ye gates, that the king of glory may come in. Ay, th’ cheek on thee! Cunt, that’s what tha’re after. Tell lady Jane tha wants cunt. John Thomas, an’ th’ cunt O’ lady Jane! – [10, с. 210]</p>	<p>Мужчина молча глядел на свою тяжелую неподвижную плоть. – Эй, парень, – сказал он наконец тихо. – Ты в своем праве. Можешь задирать голову, сколько хочешь. Ты сам по себе, я сам по себе, верно, Джон Томас? Вишь, выискался господин. Больно норовист, похлеще меня, и лишнего не лакает. Ну что, Джон Томас? Хочешь ее? Хочешь свою леди Джейн? Опять ты меня задумал угробить. И еще улыбается! Ну, скажи ей: «Отворяйте ворота, к вам едет – государь!» Ах, скромник, ах, негодник. Ласоньку он захотел. Ну, скажи леди Джейн: хочу твою ласоньку. Джон Томас и леди Джейн – чем не пара! [11, с. 245–246].</p>

В этом варианте авторы прибегли к повышению регистра. Рассмотрим еще один пример (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Пример из художественной литературы В

<i>How Late it Was, How Late</i> by J. Kelman	«До чего же оно все запоздало» (Дж. Келман) в переводе С. Ильина
Where in the name of fuck... [12, с. 1]	Где это он, мать-перемать...[13].
...he was wearing an auld pair of trainer shoes for fuck sake where Had they come from he had never seen them afore man auld fucking trainer shoes [12, с. 1]	...на ступнях старые кроссовки, едрена вошь, эти-то откуда, он их отродясь не видал, надо же, долбаные кроссовки [13].

Дж. Келман не просто избегает использования нормативного британского английского, который он в многочисленных интервью и статьях провозглашает языком-колонизатором, – в своих произведениях он уходит от него и лишь в редких случаях вводит реплики отдельных персонажей, как правило, представителей власти, на стандартном английском, сопоставляя его с языком персонажей-простолюдинов и подчас добиваясь комического эффекта. Черта, которая бросается в глаза каждому читателю прозы Дж. Келмана, – вопиющая, вызывающая неграмотность повествования (то есть, свобода от принятой литературной нормы), его сниженный регистр, а также обилие нецензурных элементов, которые постоянно используются по крайней мере в двух функциях: как слова-заместители и как выразители эмоций.

Два последних примера перевода четко определяют, что третий уровень в представленной таблице регистров передается с английского языка на русский также третьим уровнем: переводчики не прибегают к русскому мату. Английская обценная лексика переведена грубыми, но не табуированными выражениями. Сложно предположить, как бы эти примеры были обыграны на белорусском языке, однако из еще одного случая перевода с русского на белорусский вырисовывается такая картина.

Роман «Сфагнум» В. Мартиновича был написан на русском языке. На белорусском произведение вышло в переводе поэта В. Рыжкова. Главные герои – гопники, их речь насквозь пересыпана русским матом, однако в переводе мат и «трясаянка» не присутствуют (табл. 5).

Пример из художественной литературы Г

«Сфагнум» В. Мартиновича	Переклад В. Рыжкова
Потому что я хотел бы таким писателем стать, который про жизнь все пишет. Вот как есть. А что мы читаем? Откроешь книгу, а там: «Ах, вы не поверите, Натали, я вас так люблю, что в моих ушах поют цимбалы!» – не про жизнь, понимаешь? Не бывает так в жизни. Потому что в жизни – ебля, говно и пиздец [14].	Таму што я хацеў такім пісьменнікам зрабіцца, які пра жыццё ўсё піша. Вось як ёсць. А што мы чытаем? Разгорнеш кнігу, а там: “Ах, вы не паверыце, Наталі, я вас так кахаю, што ў маіх вушах спяваюць цымбалы!” – не пра жыццё, разумееш? Не бывае так у жыцці. Бо ў жыцці – трах, гаўно і трындос [15].

Одной из разновидностей обсценной лексики в белорусском языке является так называемый «рускі мацюк». В белорусском также присутствуют некоторые иные обсценные слова, которые, тем не менее, матом не являются и значительно менее табуированы, однако все же считаются «непристойными» (*аскарузак, болбат, дудок смярдзячы, дурдзель, жабін клунак, падарванец, шэўля, смердзюх, задрыпанец*).

Подводя итог, можно с высокой долей уверенности говорить о том, что «неудобное» в переводе целиком определяется национально-культурными кодами, и «игнорирование культурных особенностей табу в межкультурной коммуникации может стать причиной нарушения самой коммуникации, что непосредственно касается перевода» [16, с. 67]. Об этом аспекте прекрасно выразился Умберто Эко в его книге «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» (2000): «Итальянский (и романские языки в целом) щедр на богохульства и непристойные выражения, тогда как немецкий в этом отношении весьма сдержан. Поэтому какое-нибудь выражение, которое в итальянском было бы, может, и неприличным, но вполне привычным, в немецком прозвучало бы как невыносимо богохульное или, во всяком случае, чересчур вульгарное. Кто видел фильм Вуди Аллена “Разбирая Гарри”, тот знает, что там появляется некая нью-йоркская дама, каждые десять секунд повторяющая слово *fucking*, словно междометие; но дама из Монако не смогла бы произносить аналогичное выражение с такой непринужденностью» [17, с. 168].

Выводом данного исследования является отчетливо наблюдаемая техника эвфемизации, повышения уровня сниженности в переводе с английского на русский, а также с русского на белорусский языки. «Неудобное» в процессе перевода подвергается переосмыслению в разные временные периоды. При этом очевидно, что табуирование и цензура не являются больше препятствием для функционирования художественных текстов в межкультурном пространстве, поскольку литература стремится сохранить «слепок» эпохи, всю полноту жизни в разных ее проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шапир, М. И. Литературный язык [Электронный ресурс] / М. И. Шапир // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под. ред. А. Н. Николюкина. – М. : НПк «Интелвак», 2001. – С. 471–475.
2. Лексика сниженная [Электронный ресурс] // Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило. – Режим доступа: <https://rus-lingvisticsdict.slovaonline.com/1807>. – Дата доступа: 22.11.2023.
3. Старухина, А. А. Особенности перевода сленговой лексики / А. А. Старухина // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – Вып. 9. – С. 116–119.
4. Волошин, Ю. К. Общий американский сленг: Состав, деривация и функция. Лингвокультурологический аспект : дис ... д-ра. филол. наук / Ю. К. Волошин. – Краснодар, 2000. – 341 л.
5. Mitchell, D. Black Swan Green / D. Mitchell. – London : SCEPTRE, 2006. – 371 p.
6. Митчелл, Д. Лужок Черного Лебедя [Электронный ресурс] / Д. Митчелл ; пер. Т. Боровиковой // LoveRead.Ес. – Режим доступа: http://love-read.me/read_book.php?id=28070&p=57. – Дата доступа: 22.11.2023.
7. Пальцев, Н. М. «Любовник леди Чаттерли». По ту сторону сексологии / Н. М. Пальцев // Иностранная литература. – 1991. – № 6. – С. 240–246.
8. Эвфемизмы сферы сексуального в художественной литературе: переводческий аспект (на материале романа Д. Г. Лоуренса «Lady Chatterley's Lover» и его переводов на русский язык) / О. А. Москаленко [и др.] // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 10. – С. 177–183.
9. Холстинина, Т. В. Американский сленг в художественном тексте и проблема его передачи на русский язык : дис ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Т. В. Холстинина. – М., 2007. – 191 л.

10. *Lawrence, D. H. Lady Chatterley's Lover / D. H. Lawrence.* – London : Penguin Books, 1994. – 365 p.
11. *Лоуренс, Д. Г. Любовник Леди Чаттерли / Д. Г. Лоуренс ; пер. с англ. И. Багрова и М. Литвиновой.* – М. : Транзиткнига, 2006. – 446 с.
12. *Kelman, J. How Late it Was, How Late / J. Kelman.* – New York : W. W. Norton and Company, 1995. – 388 p.
13. *Келман, Дж. До чего же оно все запоздало [Электронный ресурс] / Дж. Келман ; пер. С. Ильина // Электронная библиотека Royallib.com.* – Режим доступа: https://royallib.com/read/kelman_dgeyms/do_chego_g_o_no_vse_zapozdalo.html#0. – Дата доступа: 22.11.2023.
14. *Мартинович, В. Сфагнум [Электронный ресурс] / В. Мартинович // Knigi-for.me.* – Режим доступа: <https://knigi-for.me/books/proza/sovremennaja-proza/page-10-114586-viktor-martinovich-sfagnum.html>. – Дата доступа: 23.11.2023.
15. *Марціновіч, В. Сфагнум [Электронный ресурс] / В. Марціновіч ; пер. В. Рыжкова // Smashwords.* – Режим доступа: <https://www.smashwords.com/extreader/read/654614/5/sfagnum>. – Дата доступа: 23.11.2023.
16. *Панасюк, И. Л. Семантические и коммуникативные особенности феномена табу / И. Л. Панасюк // «Злая лая матерная...» : сб. ст. / под ред. В. И. Жельвиса.* – М. : Ладомир, 2005. – С. 54–68.
17. *Эко, У. Сказать почти то же самое : опыты о переводе / У. Эко ; пер. с итал. А. Ковалея – СПб. : Симпозиум, 2006. – 574 с.*

Поступила в редакцию 13.02.2024